

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ЦИКЛОН С ВОСТОКА

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке
Владимира Нартова

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Циклон с востока / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-181007-8

1944 год. После Сталинграда и Курской дуги немцы уже не в силах наступать. Понимая это, советское командование решает перебросить с Дальнего Востока на западный фронт часть дивизий, противостоящих Японии. Вермахт настаивает, чтобы союзники помешали этой переброске. Японцы засылают на нашу территорию диверсионную группу с задачей – повредить коммуникации и уничтожить важные объекты. Нейтрализовать противника поручено отряду майора Максима Шелестова. Он разрабатывает необычный план, понимая, что на этот раз ему придется жертвовать кем-то из своих товарищей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181007-8

© Тамоников А. А., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

Маньчжурия. Сухие степи, предгорья Хингана. Летом здесь жара, которая раскаляет камни и высушивает хилую кустарниковую растительность. Зимой пронизывающие ветра, которые гонят поземки, выстуживают и без того ледяные камни. Чтобы полк занял позиции на границе, сменив пограничные части, встал заслоном на пути 700-тысячной Квантунской армии, пришлось привозить буквально все: воду, строительные материалы, дрова для отопления казарм и блиндажей. Вся вновь созданная Дальневосточная армия зарывалась в пески, вгрызалась в камни, расчищала дальневосточную тайгу. Но в тайге была древесина, была вода. Здесь же, в предгорьях Хингана, было тяжелее всего.

Нападения Японии на Советский Союз ждали каждый день. На западе вовсю уже грохота-

ла Великая Отечественная война, фашистские орды рвались на восток: на Украину, к Москве, к Ленинграду. Там, на западных границах, героически гибли пограничники, не отходя со своих позиций, там умирали защитники Брестской крепости, в карельских скалах насмерть бились части Красной армии. А Дальневосточная армия сидела в окопах, воины напряженно смотрели на линию границы, сжимали винтовки, рукоятки пулеметов, ждали атаки. Каждый час, каждый день. Из дня в день, из месяца в месяц. Выматывающее ожидание, когда сдают нервы, когда лопается терпение, когда хочется биться головой о камни, стрелять, лишь бы не сидеть и не ждать. Почти все: и рядовые бойцы, и командиры — писали рапорты с просьбой отправить на фронт. Бойцы с завистью смотрели на эшелоны, увозившие целые дивизии с Дальнего Востока на запад, на фронт.

И тогда враг решил устраивать провокации, он хотел заставить советское командование поверить в то, что война может начаться в любую минуту. То на одном участке границы, то на другом вдруг появлялись японцы с танками. Они разворачивались на виду советских позиций в атакующие порядки и шли в сторону границы. Молча, не стреляя, они приближались к линии

государственной границы: к контрольно-следовой полосе, к заграждениям из колючей проволоки... и уходили назад, вглубь оккупированной китайской территории. Это происходило то на одном участке обороны, то на другом.

Сегодня ранним январским утром дозорные доложили о гуле моторов, раздававшемся с сопредельной стороны. Полк подняли по тревоге, и батальон Ивашова, как и другие подразделения полка, занял свои позиции. Около часа бойцы напряженно прислушивались к гулу моторов, не видя японцев. С командного пункта полка уже трижды приходили сообщения держать себя в руках и не поддаваться на провокации японских милитаристов. А потом все увидели танки. Они шли колонной, поднимая гусеницами снежную пургу. Расчеты «сорокапятков» в боевых позициях батальонов открыли ящики со снарядами. Наводчики прицелились к прицелам.

Танки все ближе, вот они развернулись в цепь и встали. Ивашов вздохнул. А если это не все? А если сегодня как раз все и начнется? Комбат стиснул пальцами бинокль. Он увидел японских пехотинцев. Они выбегали откуда-то из-за танков и тоже разворачивались в цепь. Еще несколько минут, и вся армада двинулась вперед, к границе. Минута, две, три! Японцы не

стреляли. Капитан Ивашов опустил бинокль — теперь он видел противника уже невооруженным глазом. Подбежавший с сообщением ординарец упал рядом и, набрав в горсть снега, вытер лицо.

— Товарищ капитан! С КП полка передают не поддаваться на провокацию, не стрелять.

— Да знаю, знаю, — проворчал Ивашов и, не поворачивая головы, приказал: — Передать по цепи. Не стрелять! Без приказа не стрелять!

— А если они первыми, а если перейдут границу? — нервно спросил командир первой роты.

— Не будут они стрелять! — отрезал Ивашов. — Не дураки же они. У нас полковая артиллерия на прямой наводке стоит. А они без артподготовки идут. На укрепленные позиции, между прочим. Они, думаешь, не знают, что мы три года здесь в камень зарывались!

Капитан снова приложил бинокль к глазам, но опомнился, опустил его, поскольку и так японцев было видно, и нервно сплюнул. Все, что он говорил ротному командиру, было правильно и логично. Убедительно. Только вот на войне часто происходят вещи и нелогичные. И люди гибнут вне всякой логики, и войны начинаются, мать их... А японская пехота уже близко, первые ряды почти дошли до колючей проволоки. Ива-

шов стиснул кулаки. «Еще пять минут, и мне придется отдать приказ открывать огонь. — Эта мысль была простая и привносила в душу даже какое-то успокоение. — Сейчас японцы пересекут государственную границу, и мы начнем стрелять. И все будет понятно и предельно просто. Вот враг, он посягнул на нашу землю. И наш долг, долг воинов своего Отечества, этого врага отогнать или истребить. И никаких уже сомнений и терзаний! Ну же, гады!»

Японцы остановились по ту сторону колючей проволоки всего в паре десятков метров от нее. Взрели моторы танков, выбросив в воздух струи темного дыма. Танки рванули вперед и тут же развернулись на месте, зацепив гусеницами ограждение из колючей проволоки. Развернулись и... пошли назад. Повернулась пехота и быстрым шагом стала удаляться. Все... Спектакль на сегодня окончен... Ивашов опустил голову на руки. Только сейчас он почувствовал, что под полушубком у него мокрая от пота спина.

Штаб Квантунской армии располагался в большом трехэтажном здании, занимавшем целый квартал в городе Синьцзин, столице марионеточного государства Маньчжоу-Го, образованного Японией в Маньчжурии.

Полковник Икэда вошел в кабинет командующего и замер, в вежливом приветствии склонив голову. Жесткий накрахмаленный воротник впивался ему в шею, но разведчик терпел. Принятые при дворе императора манеры должны соблюдаться и за пределами империи. Командующий Квантунской армией, смотрел на визитера строго, недовольно и высокомерно.

— Это недостойно, — холодно заметил генерал. — Офицер императорской армии расхаживает в гражданском сюртуке, в то время как вся Маньчжурия трепещет, преклонив колени перед величайшей армией. Вы боитесь, что грязные китайские крестьяне, узнав в вас полковника японской армии, сразу нападут на вас. Не заставляйте меня усомниться в вас, полковник Икэда.

Возражать и что-то объяснять было нельзя. Икэда обязан был почтительно молчать и вникать. Не стоило объяснять армейскому генералу, что работа разведчика заставляет избегать появления в общественных местах в военной форме. Ни к чему привлекать к себе внимание на оккупированной территории, тем более полковничьи погонами японской императорской армии. Увы, так часто бывает и в других армиях, когда армейское руководство выражает недовольство

и даже презрение к рыцарям «плаща и кинжала», как в Европе иногда называют офицеров разведки, поскольку считают их методы ведения войны недостойными в борьбе с противником. Увы, им не понять, каковы были бы их победы, если бы не разведка и не контрразведка.

Высокомерно вздернув подбородок, генерал прошелся по кабинету и уже возле самой двери соизволил обернуться.

— Вас ждет полковник Асано. Не смею задерживать.

Выждав пару минут, собравшись внутренне, Икэда попытался по древней методике самураев восстановить душевное и эмоциональное равновесие. Сделать этого полностью не удалось. Что-то сломалось внутри полковника, его дух ослабел. Нет, надо брать себя в руки, иначе нельзя будет работать, иначе он не сможет делать то, что от него ждут здесь, в Маньчжурии. А ведь он довольно успешно работал в среде китайских повстанцев, в неоднородной среде русских эмигрантов. Благодаря работе полковника Икэды удалось предотвратить множество террористических актов партизан, восстаний целых районов.

Дежурный офицер в коридоре назвал номер комнаты, в которой Икэду ждал полковник Асано.

— Что вам наговорил командующий? — улыбнувшись только глазами, спросил Асано. — Он был чем-то недоволен?

— Он успел вам рассказать о нашей беседе? — удивился Икэда, стиснув зубы, отчего его широкие скулы шевельнулись.

— Мне не нужно встречаться с генералом Хирохито, чтобы это понять. — Асано протянул руку и указал на кресло. Кабинет был устроен по европейскому образцу. — Вы слишком возбуждены, я вижу гнев в ваших глазах. Увы, тот, кто смотрит на мир слишком узко и видит только хорошее или только плохое, обречен на неудачу. Взгляд, особенно взгляд воина, должен охватывать больше пространства. Только тогда он увидит больше опасности или больше преимуществ для себя. Наше положение в Маньчжурии довольно сложное. Не думайте о Хирохито. Его взгляд — это его война, а у нас с вами будет своя.

— Вот как? — удивился Икэда. — Я поступаю в ваше распоряжение и перехожу в отряд «Асано»?¹

¹ Отряд «Асано» был сформирован при штабе Квантунской группировки в 1936 году. Он представлял собой вооруженное подразделение из прошедших военную подготовку русских белоэмигрантов под командованием японского полковника Асано и предназначался для ведения разведывательно-диверсионной деятельности и военных действий против СССР. За несколько лет, к 1944 году, численность отряда «Асано» была увеличена до пяти рот.

— Нет, полковник. — Глаза Асано стали холодными. — Но мы будем работать с вами вместе.

— Неужели начинается? «Тэйкоку Рикугун»?¹ — Глаза Икэды загорелись.

— Пока нет, — качнул головой Асано, — но планы императора нам неизвестны. Только он принимает решения. Но русские должны думать, что война вот-вот начнется. Их нужно держать в постоянном напряжении. Наша задача совместными усилиями организовать крупную диверсию здесь, в Дальневосточном регионе Советского Союза. У нас нет полного доверия тем русским, которые пошли на службу в японскую армию, которые сотрудничают с нашей разведкой. В них нет такого особого духа, который есть у истинных сыновей Ямато.

Шелестов выключил люстру, оставив включенными только настольную лампу под зеленым абажуром и торшер возле дивана. Платов сразу открыл глаза, потер лицо ладонями и одобрительно кивнул, увидев, что Шелестов разливает по стаканам крепкий чай. Перелет в холодном транспортнике, который попал в снежный фронт

¹ «Сибирский поход японской армии» — так был закодирован план нападения Японии на СССР в документах.

и вынужден был садиться на запасной аэродром, потом переезд по бездорожью на вездеходе. Да плюс почти две бессонные ночи. Горячий чай был кстати.

— Может, коньяку в чай? — спросил Максим. — Хоть согреетесь.

— Нет, спасибо, — тихо ответил комиссар госбезопасности. — Алкоголь — вещь двоякая. Мгновенный положительный эффект, а потом обратная реакция. И хоть ты тресни, а глаза закрываться будут еще сильнее. Обычная реакция сердечно-сосудистой системы человека. И давай потише говорить, пусть твои ребята отоспятся.

Группа спала «без задних ног», как любил говорить Буторин. Платов не стал будить оперативников, полагая, что довести основную важную информацию можно только до Шелестова. За время перелета до места он вполне может поделиться ею со своими товарищами. Да и на месте им придется изучать ситуацию, принимать решение самим. Из Москвы в такой сложной ситуации не накомандуешься.

— Через шесть часов ваша группа, Максим Андреевич, вылетает в Хабаровск, — задумчиво поглаживая пальцами бок металлического подстаканника, сказал Платов. — Мне еще нужно

закончить ваши дела здесь, в Горьком, и вернуться в Москву. Так что на весь инструктаж у меня не больше часа.

— Хабаровск? — Шелестов замер, не донеся стакана до рта. — На Дальнем Востоке активизировалась Япония? Вы ждете войны?

— Хуже, Максим Андреевич, — спокойно ответил Платов.

— Что же может быть хуже войны?

— Ожидание войны, — неопределенно пожав плечами, ответил Платов. — Непонимание, когда она начнется. Ожидание первого удара, невозможность нанести первый удар самим, но знать, что враг его нанесет рано или поздно первым. Постоянная тревога от того, что, кажется, будто мы еще не все сделали, чтобы дать врагу отпор. Много чего хуже войны. Война — это всегда развязка событий. Но сколько всего предшествует ей, сколько сделано попыток отсрочить, избежать. Сколько нервов и жизней положено ради этого. И ты так до конца и не знаешь, начнется она или нет. Увы, слишком много факторов играют роль, слишком много игроков имеются на международной арене, которые ищут свою выгоду и готовы подставить другого вместо себя. Часто войны начинаются не так, как мы предполагаем, часто они про-